«Истории», уже трудно сомневаться. В нем явно заметны мотивы летописного рассказа 1160 г. Ипатьевской летописи. Отрывок рассказа Татищева и летописный роднит сходство ситуаций и общность персонажей. В обоих текстах описывается битва с половцами, говорится, что бой русские учинили «о реку», что во главе дружины стоял Тудор галичский, который «во многих боях храбростью и разумом прославился». Заканчиваются оба эпизода сообщением о победе русского войска.

Из приведенного примера видно, что самый механизм создания новых известий в рассказе о походе Игоря состоит в перенесении ситуаций одного событийного ряда в другой, в котором эти ситуации, если они не противоречили общему смыслу рассказа, могли восприниматься как достоверные.

Итак, пока что анализ подводит к выводу об отсутствии у Татищева какого-то особого неизвестного нам летописного источника.

Но, может быть, существовали фольклорные произведения об Игоревом походе, которые и послужили для Татищева источником дополнительных свидетельств? Известно, что в пору работы над «Историей Российской» Татищев внимательно изучал былины, исторические песни, народные предания, пословицы, поговорки.[36]

Произведения русского народного творчества, считал Татищев, могли отразить такие факты и такие обстоятельства, о которых совсем не говорится в летописях или, если и упоминается, то очень бегло. На этом основании Татищев допускал использование устнопоэтических произведений в своих исторических описаниях. Свидетельство этому — высказывание Татищева, которое содержится в примечаниях к «Истории Российской»: «Песни древних, хотя они и не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить, как видим Омера, песнями нечто в память оставившего».[37]

В рассказе «Истории», особенно во II ее редакции, есть фрагменты с элементами фольклорного повествования (они уже отмечались выше). Может быть, они являются песенными реминисценциями, а не домыслом Татищева, как считаем, предпринятым с целью «украшения текста». Но если даже они действительно принадлежат какой-то ранее, быть может, существовавшей исторической песне, которая рассказывала о походе 1185 г., то и в этом случае в достоверность сведений фольклорного происхождения трудно верить, поскольку они попадали в «Историю Российскую» не в своем «чистом» виде, а наверняка в форме пересказа. Кроме того, они соответствующим образом обрабатывались, чтобы органично войти в текст повествования, не нарушить его логическую систему. А самое главное, как считают исследователи, к сведениям исторической песни нельзя относиться как к источнику вполне достоверному и полноценному, поскольку «историческую песню как произведение искусства характеризует своеобразное и свободное отношение к фактической стороне истории. Песня — не летопись, и ей чужда установка на сколько-нибудь точное и документальное воспроизведение фактов. Напротив, чаще всего бросается

---

[36] См. об этом: Г. И. Бомштейн. Фольклорно-этнографические материалы в исторических и географических работах Татищева. — Уч. зап. Пермск. пед. инст., вып. 21, 1959, стр. 128—155; Ф. М. Головенченко. Сборник пословиц В. Н. Татищева. — Уч. зап. Моск. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 160, М., 1961, стр. 283—290. — Приношу благодарность Г. Н. Моисеевой, любезно предоставившей мне возможность познакомиться с частью ее работы о фольклорных вставках в «Истории Российской» Татищева.

[37] ИР, т. I, стр. 115, примеч. 16.